

МАГИСТРАЛ

Звенят ветра коломенских просторов
да княжеские мраморы Старков...
Ложатся парка стройные узоры —
романтикой таинственных веков.

Тут славился когда-то род Шервинских
и Брюсов шёл — как демон древнеримский!

Венчался рядом взбалмошный Пильняк,
гостила тихо — муза Кочеткова,
Меркурьева хранила тайный знак,
Ахматова оттачивала слово.

Лозинскому являлся вещей Дант,
Цветаева мелькнула тёмной тенью...
...И каждый, словно розу, свой талант
привил сюда — в шиповниковой сени!

Звонят ветра коломенских просторов:
 глаголами «Задонщины» поют,
 и ратники бесчисленным собором
 идут на Куликовский бранный суд...

Бояре ждут за Северкой-рекой —
 вождя встречать пред битвою Донской.

Ещё бы! — говорят, — он здесь родился,
 и здесь — его любимый отчий кров!
 Таинственный воспитанник долин сих —
 ему ли не хранить родную кровь?!

А рядом — рать царевича Серкиза
 и войско — строим грозных облаков!..
 ...Их подвиг помнят каменные ризы
 да княжеские мраморы Старков.

2

Да, княжеские мраморы Старков
 припомнят всё: и подвиги, и смуты,
 Серкизова-Старкова хитрый ков,
 предательства кровавые минуты.

Его друзьями схвачен князь Василий,
 и пленника изменой ослепили...

Но вот пришла расплата за вину,
 и все его окрестные владенья
 неволей были «проданы» в казну,
 и род исчез — угашенною тенью.

И разве что в томах Карамзина
 скрываются свидетельства позора,
 и там, где кровью тлела старина,
 ложатся парка стройные узоры.

3

Ложатся парка стройные узоры
 шитьём колючих ромбов и сердец,
 и строится стремительно и споро
 князей Черкасских каменный дворец.

Идти негоже князю — уж поверьте! —
 в Соборо-Богородицкую церковь.

Он выстроил себе престол Успенья —
изящный белокаменный цветок,
достойный храм для княжьего моления,
ну, а крестьяне — «помнят свой шесток».

Куда им знать масонскую премудрость!
Высокий светоч — не для простаков.
Не зря же храм Николы грезит чудом —
романтикой таинственных веков!

4

Романтикой таинственных веков
пронизан парк и готика Николы,
и шпиль вознёсся в небо высоко —
Копьём Судьбы, мистическим глаголом!

И выстроились пышной галереей:
коюшни, псарни, сад, оранжереи...

И сам Иванчин-Писарев воспел
черкизовскую глушь в своей «Прогулке».
Затем — Гиляров княжеский удел
в записках воскресил (не без охулки);

он высмеял и княжескую спесь
и вспомнил чудаков: родных и близких...
— На смену им пришла иная весть:
тут славился когда-то род Шервинских.

5

Тут славился когда-то род Шервинских:
Василий Дмитриевич — патриарх,
светило Земства, гений медицинский,
вдохнувший жизнь в забытый сельский прах.

И архитектор, сын его — Евгений —
искусный мастер сказочных видений,

знаток волшебных парков и садов —
устроил цветники ковром богатым:
во флигеле старинном каждый вдох
пьянил сердца нездешним ароматом!

Ну, а Сергей — тот ведал перевод,
и чрез него Античность стала близкой,
явился пиитический народ,
и Брюсов шёл, как демон древнеримский!

И Брюсов шёл, как демон древнеримский,
как призрак — в идиллической глуши.
Он знал все искушения и риски
и ведал зов Космической души;

и в жарком дне, и в голосе Природы
провидел тьму Семнадцатого года.

Он пел грозу, когда читал Поэму,
и напророчил — грянул страшный гром,
и молния огнём одела стены,
и дрогнул древний парк и старый дом!

Он уезжал на поезде, и ветер
расправил плащ его, как чёрный флаг.
...Но странно: в те же дни и в том же лете
венчался рядом взбалмошный Пильняк.

7

Венчался рядом взбалмошный Пильняк
не в городе, а здесь же — у Николы,
и знаком стал для них мгновенный мрак:
гроза и дождь, короткий и весёлый.

И в воздухе неслось: «Исайя, ликуй!» —
как древле, перед Смутою великой...

Он жил тогда поблизости, в Песках,
в забвении, на отдыхе, на даче.
Кто знал тогда, что слава так близка
в шальной Москве, а в прозе — наипаче?

Весь мир узнает храбрый вертопрах,
ну, а потом — Лубянские оковы...
...Но в те года в черкизовских краях
гостила тихо муза Кочеткова.

8

Гостила тихо муза Кочеткова —
Шервинский сам его приветил тут;
(в Тридцать четвёртом оживает снова
старковский заповеданный приют).

Прославился в Кремле великий врач, и
тогда ему вернули эту дачу.

С напевным переводом вечно связан
был Александр Сергеевич. Не раз
воспел он этот край стихом алмазным,
хмельным переплетеньем звонких фраз!

С любимую супругой — верной Инной —
он разбивал писательский бивак.
И в этой же избе их друг старинный —
Меркурьева, хранила тайный знак.

9

Меркурьева хранила тайный знак,
неся своё святое имя — Вера.
И тут, в Старках, эпохи душный мрак
уж не казался столь бездушно-серым.

И не кричала Сталину: «Осанна!» —
пророчица, забытая Кассандра...

В её напевах вещей — горький рок
таился, точно пифия в ущелье,
она прядла стихом в один урок
пророчества свои и песни Шелли.

Багрит в стакане алое вино,
оно для гостьи царственной готово:
ведь здесь же, рядом,жданная давно —
Ахматова оттачивала слово!

10

Ахматова оттачивала слово —
Шервинский ей на лето дал приют...
Палящею порой Тридцать шестого,
да и потом она гостила тут.

Кадил шиповник, вечером влекомый,
мистическим дыханием Коломны...

Сожжённые страницы стали прахом...
Но внизан в поэтическую шаль
готический напев «Чаконы» Баха,
годов пятидесятих строгий альт!

И стих её красив, как мрамор Рима,
как в капители — каменный акант!
...И в тот же дом — приют гостеприимный —
Лозинскому являлся вещей Дант.

Лозинскому являлся вещей Дант —
 «Божественной комедии» глаголы
 он правил, как великий музыкант,
 последователь строгой «русской школы».

И лето Сорок третьего, сгорая,
 бросало в небеса терцины «Рая»!

Он правил Алигьери грозный том,
 дыша провинциальной усладой,
 покуда не был восстановлен дом,
 разбитый Ленинградской блокадой.

Сколь многие певцы родной страны
 минули тут! Мы вспомним горький гений:
 в седых Старках на зареве Войны
 Цветаева мелькнула тёмной тенью.

12

Цветаева мелькнула тёмной тенью —
 Меркурьева звала её к себе;
 и две недели — словно бы мгновенье,
 мелькнули в этой горестной судьбе.

Недели тишины и зыбкой тверди,
 а после — путь к забвению и смерти...

Морозная зима всегда жестока,
 но та — вдвойне, в осколках стылых слёз:
 скончался тут Шервинский — старый доктор,
 и Сад — на смертном холоде замёрз.

Но снова мир облёкся светлой ризой
 и дом открыт гостям, как фолиант,
 и каждый — подарил частичку жизни,
 и каждый — словно розу — свой талант.